И2
Г83

Г. В. ПЛЕХАНОВ И ИТАЛЬЯНСКОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ (1883—1902 гг.)

И. В. Григорьева

*

Академия Наук СССР. Институт истории.
Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. Изд. „Наука", М. 1968

Роль выдающегося русского марксиста Г. В. Плеханова в международном рабочем движении до сих пор еще мало изучена.

После XX съезда КПСС в советской исторической литературе нашла известное отражение и получила более объективную, чем прежде, оценку деятельность Плеханова на конгрессах II Интернационала, в Международном социалистическом бюро и т. д. Однако место Плеханова в истории II Интернационала может быть уяснено в полной мере лишь в результате тщательного анализа его связей с социалистическим движением отдельных стран.

Бесспорного внимания заслуживает, в частности, история взаимоотношений Плеханова с итальянским социалистическим движением. Необходимость изучения этой проблемы справедливо подчеркивают в последнее время и итальянские историки.

Прогрессивные ученые в Италии уже приступили к исследованию истории итальянского рабочего движения эпохи II Интернационала в его международных взаимосвязях. Для начального периода деятельности Итальянской социалистической партии (90-е годы) особенно важен вопрос об идейном воздействии на нее германской социал-демократии, закономерно привлекающий внимание итальянских историков. Но остается пока совершенно не изученным другой — «русский» — аспект интернациональных связей ИСП, значимость которого особенно возрастает с начала XX в., когда в Россию перемещается центр международного революционного движения.

Между тем исследование таких проблем, как отношение итальянских социалистов к опыту борьбы российского пролетариата, оценка ими различных течений внутри РСДРП, конкретные связи с тем или другим из них, поможет во многом глубже постичь трудный процесс становления качественно новых элементов и в самом итальянском социалистическом движении эпохи империализма. Оно позволит также проследить, как в рамках социалистического рабочего движения, интернационального по самой природе своих коренных интересов, продолжается в новой форме

3123
ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ленинград Д 1980 И-2400/8
№ 3123 ОТТ.
(ИНВ. КН. N2)

давняя традиция взаимодействия и взаимовлияния революционных сил обеих стран.

На этом общем тематическом фоне фигура Г. В. Плеханова естественно выдвигается на одно из центральных мест.

С итальянским социалистическим движением Плеханов так или иначе был связан на протяжении почти всей жизни в эмиграции (1880—1917 гг.). За эти годы очень многое изменилось в самом Плеханове, в его идейных позициях. В рамках одной статьи невозможно сколько-нибудь внимательно проанализировать взаимоотношения Плеханова с итальянскими социалистами за весь указанный период. Ниже рассматривается лишь часть этой большой темы — в пределах 1883—1902 гг.

Статья ни в коей мере не претендует на исчерпывающее раскрытие намеченной проблемы. Ряд вопросов автор на базе имевшихся в его распоряжении источников мог лишь поставить, не будучи пока в состоянии ответить на них. Дальнейшие поиски позволят, вероятно, во многом дополнить и уточнить картину, которую мы попытались набросать.

* * *

Первые непосредственные сношения с западноевропейским рабочим движением завязываются у Плеханова в период, который был для него переходным этапом на пути от народничества к марксизму — в начале 80-х годов.

Вынужденный в 1880 г. покинуть Россию, Плеханов поселился в Швейцарии, в Женеве, где ему предстояло прожить бóльшую часть долгих 37 лет эмиграции. Особенности географического положения и политических традиций Швейцарии сделали ее во второй половине XIX в. важным центром интернациональных революционных связей в Европе. Именно в Швейцарии Плеханов в начале 80-х годов занялся пристальным изучением не только теории марксизма, но и практики международного рабочего движения, что ускорило его окончательный переход на марксистские позиции, завершившийся созданием группы «Освобождение труда» (1883 г.).

Трудно со всей определенностью сказать, когда и по какому поводу Плеханов впервые вошел в контакт с социалистическим движением Италии — страны, не принадлежавшей тогда к числу передовых, но зато многими чертами своего социально-экономического развития напоминавшей его родину. По всей вероятности, этому так или иначе способствовала Анна Кулишева — в прошлом участница русских народнических кружков, эмигрировавшая из России в 1877 г. и впоследствии навсегда связавшая свою судьбу с рабочим движением Италии[1].

[1] Подробнее см. в настоящем сборнике: С. П. Афанасьева. К вопросу о революционной деятельности Анны Кулишевой в 1873—1892 годах.

Ее знакомство с Плехановым произошло, по-видимому, еще до эмиграции. Близкими друзьями Кулишевой еще по кружку «Южных бунтарей» были и будущие сподвижники Плеханова по группе «Освобождение труда» — Л. Г. Дейч и В. И. Засулич.

Встретившись с ними в Женеве вскоре после создания группы «Освобождение труда», Кулишева приняла предложение включиться в работу группы. Вначале она вошла в так называемый кружок содействия в Берне, где жила в те годы, а после ареста Дейча (лето 1884 г.) была, по его свидетельству, введена в состав *основной* группы «Освобождение труда»[2]. По окончании курса медицины в Берне Кулишева уехала в Италию, но продолжала оттуда поддерживать связь с группой Плеханова, переписываясь с В. Засулич.

Первое конкретное представление о состоянии социалистического движения в Италии Плеханов получил, по-видимому, на международном социалистическом конгрессе в Париже, положившем начало существованию II Интернационала (июль 1889 г.). Итальянская делегация в Париже была весьма пестрой по составу и в большинстве своем имела полномочия для участия как в марксистском, так и поссибилистском конгрессах. На марксистском конгрессе, где присутствовал Плеханов, итальянские делегаты были в числе тех, кто стремился к объединению с поссибилистами. После отказа поссибилистов от объединения большинство итальянцев осталось на созванном марксистами конгрессе лишь в качестве наблюдателей и не проявило какой-либо активности — за исключением анархистов (во главе с Мерлино), которые попытались сплотить вокруг себя все анархистское крыло конгресса и в конце концов за организацию обструкции были удалены из зала заседаний.

Плеханов имел, таким образом, возможность наглядно убедиться в том, что итальянское рабочее движение в идейном отношении еще сравнительно неразвито и, в частности, подвержено еще сильному влиянию анархизма, который в то время выступал как главный противник марксизма на международной арене. Мы не знаем, общался ли Плеханов лично с кем-либо из итальянских делегатов, но бесспорно, что после Парижского конгресса его информация о социалистическом движении Италии расширилась.

Выступление Плеханова на конгрессе внесло нечто существенно новое в те представления о русском революционном движении, которые до этого господствовали, в частности в Италии. Начиная с конца 70-х годов сюда доходили известия о героическом единоборстве с царизмом небольшой группы революционной молодежи, принадлежавшей по преимуществу к кругам интеллигенции.

---

[2] «Группа „Освобождение труда“ (Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча)», сб. 2. [М., 1924], стр. 243.

Таким революционное движение в России виделось итальянским социалистам и в конце 80-х годов. Теперь же впервые на широком интернациональном форуме заявила о себе рождающаяся российская социал-демократия, от лица которой Плеханов сказал с трибуны конгресса:

«Пролетариат, образующийся вследствие разложения сельской общины, нанесет смертельный удар самодержавию. Если оно, несмотря на героические усилия русских революционеров, до сих пор не побеждено в России, то это объясняется изолированностью революционеров от народной массы. Силы и самоотвержение наших революционных *идеологов* могут быть достаточны для борьбы против царей, как личностей, но их слишком мало для победы над царизмом, как политической системой. Задача нашей революционной интеллигенции сводится поэтому, по мнению русских социал-демократов, к следующему: она должна усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих приступом взять твердыню самодержавия. Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может!» [3].

Исходя из конкретных условий своей страны, Плеханов затронул, таким образом, вопрос, крайне важный и для социалистов Италии накануне организации ими своей партии,— о роли интеллигенции в освободительном движении на том историческом этапе, когда его решающей силой становится рабочий класс. Ответ, который давал на него Плеханов, был вполне созвучен мнению тех, кто возглавил борьбу за создание Итальянской социалистической партии: Филиппо Турати и его ближайшей сподвижницы Кулишевой. По-видимому, именно подобное совпадение взглядов способствовало укреплению контакта Кулишевой с Плехановым и группой «Освобождение труда» после Парижского конгресса 1889 г.

Весной 1890 г. Кулишева получила от В. Засулич и Плеханова письмо с приглашением приехать в местечко Морнэ на франко-швейцарской границе, где оба они жили после высылки из Швейцарии (1889 г.). Высказанное старыми товарищами желание увидеться очень тронуло ее, тем более, что этот — по выражению Кулишевой — «настоятельный приказ» исходил также и от Плеханова, с которым у нее не было столь сердечной дружбы, как с В. Засулич. Приехать немедленно Кулишева не могла, но обещала непременно быть в Морнэ в августе — сентябре: «Это будет больше для меня, чем для Вас, настоящий праздник для души»,— писала она В. Засулич в ответ на приглашение [4].

---

[3] Г. В. Плеханов. Соч., т. IV. М.— Пг., 1923, стр. 54.
[4] Архив Дома Г. В. Плеханова (далее — АДП), АД/353. 5, л. 2 об.

Во второй половине 1890 г. Кулишева действительно побывала у В. Засулич [5], а значит, виделась и с Плехановым. По-видимому, она подробно информировала Плеханова о положении в рабочих и социалистических организациях Италии, где как раз в это время совершался решающий поворот к объединению в партию на платформе признания политической борьбы и программных принципов научного социализма.

Наше предположение подтверждается весьма детализированной характеристикой итальянского рабочего движения, которую Плеханов дал в «Иностранном обозрении», опубликованном в третьем номере «Социал-демократа» (декабрь 1890 г.). Отметив, что во всех конституционных странах европейского материка уже осознана необходимость выделения пролетариата в особую политическую партию, он добавил в примечании:

«Разумеется, что безусловно это применимо лишь к более передовым странам. В Италии, например, до последнего времени были рабочие организации, державшиеся того мнения, что пролетариату нет надобности заниматься политикой. Такова была «Partito Operaio», к которой принадлежали очень многие фабричные рабочие Милана. Но господствующая идея нашего времени, *выделение пролетариата в особую политическую партию*, и в Италии делает быстрые успехи. На Миланском конгрессе 12 октября эта организация отказалась от своего предрассудка и решилась вступить на путь политической борьбы. Это решение помогло ей сблизиться с другой организацией: «Consolato Operaio», членами которой были главным образом мелкие ремесленники и которая действовала на выборах вместе с буржуазными республиканцами. Теперь эта последняя организация приняла социалистическую программу. Насколько мы знаем, главная заслуга принятого Миланским конгрессом решения принадлежит молодому талантливому социалисту Филиппо Турати» [6].

Нам представляется несомненным, что во время этого свидания Кулишевой с Плехановым и В. Засулич речь шла также и о делах группы «Освобождение труда» и о возможном содействии итальянских социалистов ее начинаниям.

В частности, как раз незадолго до того (в апреле 1890 г.) в «Листке Социал-Демократа» было опубликовано с предисловием Плеханова письмо, присланное Л. Г. Дейчем с Карийской каторги. В нем рассказывалось о трагедии, которая разыгралась на Каре зимой 1889 г., когда в ответ на истязание заключенной Н. Сигиды последовали массовые самоубийства политических каторжан. В приписке к письму Дейч писал В. Засулич и другим членам группы «Освобождение труда»: «Прошу вас сколь возможно более распространять это сообщение в больших иностранных газетах

[5] См. «Группа „Освобождение труда“», сб. 4. М.— Л., 1926, стр. 243, 246.
[6] Г. В. Плеханов. Соч., т. IV, стр. 73.

солдат от явки на призывные пункты. Той же точки зрения держался и Турати, а при голосовании ее одобрила вся итальянская делегация.

После Цюрихского конгресса имя Плеханова приобрело широкую интернациональную известность. В Париже в 1889 г. он выступал лишь как представитель русского рабочего движения, о котором социалистические партии других стран тогда почти ничего не знали. Теперь же он стал одним из наиболее авторитетных деятелей международной социал-демократии. Росту престижа Плеханова в глазах итальянских социалистов должно было весьма способствовать то, что он активно поддерживал на конгрессе линию социал-демократической партии Германии, опыт которой молодая Партия итальянских трудящихся ценила очень высоко и рассматривала как образец для себя.

В 1894 г., в ответ на активизацию в ряде стран террористической деятельности анархистов, Плеханов по просьбе правления германской социал-демократии подготовил серию статей под общим заглавием «Анархизм и социализм». Они предназначались для выходившей в Берлине газеты «Sozial-Demokrat». Ознакомившись с немецким текстом этих статей еще до их опубликования, Кулишева писала В. Засулич 24 июня 1894 г.:

«Я в восторге от статей Жоржа «Sozialismus und Anarchismus» — начала уже переводить их, чтобы прежде поместить их в Critic'e, а затем сделать брошюру для пропаганды. Ответь мне *сейчас же*, можем ли мы дать наш перевод как статьи [присланной?]. Я [напишу?] без цитирования «Sozial-Democrat'a» [sic]? Оно лучше было бы без цитирования. Затем просьба к тебе: сделай мне маленькую, коротенькую биографию Жоржа. Если Жорж имеет русский манускрипт, пришли мне его» [12].

Кулишева хотела, таким образом, чтобы Плеханов разрешил публикацию своих статей в «Critica sociale» не в качестве перепечатки из немецкой газеты, а как вполне самостоятельную, что придало бы ей больший вес. Плеханов, по-видимому, согласился на то, чтобы редакция «Critica sociale» анонсировала статьи как полученные непосредственно от автора, но все же попросил оговорить, что одновременно они будут напечатаны в Германии. Когда всего неделю спустя после запроса, посланного Кулишевой В. Засулич, на страницах «Critica sociale» появилась первая статья из этой серии под заглавием «Утопический социализм», ей было предпослано следующее примечание от редакции:

«Имя Георгия Плеханова — русского эмигранта, человека больших знаний и ума — не ново для читателей нашего журнала,

---

[12] АДП, АД 5/353. 6, л. 1. Взятые в квадратные скобки слова написаны неразборчиво.

который уже опубликовал некоторые его интересные работы в первый год своего издания («Critica [sociale]», 1891, стр. 78 и 87, 202 и 218).

Теперь он предоставил в наше распоряжение целую серию статей, которые могут быть объединены общей идеей и под общим заглавием «Социализм и анархизм» и в которых сжато, но глубоко раскрывается происхождение и внутренний философский смысл учения современного социализма.

Мы благодарим славного изгнанника за существенный вклад, который он вносит в нашу пропаганду, будучи уверены, что наши читатели воздадут ему должное вместе с нами.

Предупреждаем, что эти же статьи появятся приблизительно одновременно в берлинском «Sozial-Demokrat»» [13].

Публикация статей Плеханова в «Critica sociale» продолжалась в ряде номеров [14]. Затем они были изданы отдельной брошюрой [15]. Почти одновременно в Италии была опубликована еще одна работа Плеханова — «Сила и насилие» [16], которая тоже была направлена против анархизма и написана для немецкой социал-демократической печати.

Интерес итальянских социалистов к полемике Плеханова с анархистами был глубоко закономерен. Для них самих идейная борьба против анархизма продолжала сохранять актуальнейшее политическое значение и после того, как на учредительном съезде партии в Генуе в 1892 г. произошел бесповоротный разрыв между социалистическим и анархистским течениями.

В статьях Плеханова из серии «Анархизм и социализм» они находили развернутую критику и той разновидности анархизма, которая в свое время получила широчайшее распространение в Италии, — бакунизма. Подробно разбирая систему идей Бакунина и его тактические принципы, Плеханов оперировал и фактами из истории итальянского социалистического движения, ссылаясь на хорошо известную в Италии полемику Бакунина с Мадзини, анархистское восстание 1877 г. в провинции Беневенто как один из опытов «пропаганды действием» и т. д. Все это делало его рассуждения и выводы близкими, «своими» для сознательного социалистического авангарда итальянского рабочего класса.

Точно так же поставленная Плехановым в «Силе и насилии» проблема соотношения мирных и насильственных средств в революционной борьбе и их сообразности конечным целям социального освобождения пролетариата занимала уже с конца 70-х годов важнейшее место в полемике между социалистами и анар-

---

[13] «Critica sociale», 1894, № 13, p. 201.
[14] «Critica sociale», 1894, № 14, 15, 16, 17; 1895, № 12, 13, 14, 17, 20, 21.
[15] G. Plechanow. Anarchismo e socialismo. Milano, 1895.
[16] G. Plechanow. La tattica rivoluzionaria. Forza e violenza. Milano, 1894.

хистами в Италии. Она уже тогда решалась социалистическим крылом итальянского рабочего движения принципиально так же, как и Плехановым в 1894 г. Но статья Плеханова появилась в момент, когда споры о тактике приобрели для итальянских социалистов такую практическую значимость, как никогда раньше.

На протяжении 1893—1894 гг. Италия была охвачена острейшим политическим кризисом, который правящие классы пытались разрешить открыто репрессивными мерами и наступлением на демократические свободы. Условий для успешного противодействия этому натиску с помощью насильственных средств революционной борьбы не было — наоборот, обстановка требовала прежде всего сохранить для социалистической партии возможность легальной деятельности, которую правительство Криспи стремилось отнять у нее. Летом 1894 г., воспользовавшись как поводом террористическими актами анархистов, Криспи ввел в Италии исключительный закон по образцу бисмарковского, а затем издал специальный декрет о роспуске социалистической партии. В подобной ситуации веское слово Плеханова в осуждение насилия ради насилия как тактики, чуждой истинным интересам революции, было действенной помощью итальянским социалистам в осмыслении их собственного политического опыта.

Наконец, приведенный выше комментарий «Critica sociale» к статьям Плеханова свидетельствует о том, что в них редакцию журнала привлекала не только критическая часть, но (и притом едва ли не в первую очередь) также и позитивное обоснование программы «современного», т. е. научного социализма.

Наши источники не позволяют проследить сколько-нибудь подробно, как развивались взаимоотношения Плеханова с Турати и Кулишевой в дальнейшем. Сам Плеханов регулярной переписки с ними не поддерживал. До 1895 г. его «связным» с миланцами была В. Засулич, делившая с ним изгнание сначала в Женеве, затем в Морнэ и некоторое время в Лондоне. Но она осталась в Англии и после того, как Плеханов смог вернуться в Швейцарию, и лишь в 1897 г. вновь оказалась сравнительно близко от него — в Цюрихе. Да и старая дружба В. Засулич с Кулишевой без непосредственного общения стала с годами слабеть, и они все реже писали друг другу.

В архиве Плеханова сохранилось адресованное в Женеву на имя итальянского социалиста Энрико Дугони короткое письмо неизвестного корреспондента из Милана, где сообщался миланский адрес Кулишевой и Турати. Оно относится к началу 1896 г.[17] По-видимому, Плеханов через Дугони разыскивал

[17] АДП, Б.73.1.

адрес Турати, имея в виду обратиться к нему с просьбой дать статью для первомайского выпуска «Работника» — непериодического издания группы «Освобождение труда»: именно об этом шла речь в письме Плеханова к Турати от 28 марта 1896 г.

Но Турати статьи не прислал, так как не смог подготовить ее в нужный срок. Ссылаясь в свое оправдание на крайнюю занятость делами по руководству партией, основная тяжесть которых из-за болезни Кулишевой легла на него одного, Турати писал в ответ Плеханову: «Имейте снисхождение и отпустите мне мои грехи. Я даю Вам право взять реванш при каком-нибудь другом случае, так как я особенно сожалею, что был на этот раз так мало любезен *именно с Вами*» [18].

С конца 90-х годов открывается новая страница как в теоретической деятельности Плеханова, так и в его взаимоотношениях с итальянским социалистическим движением. До этого главной его задачей было обоснование и защита марксизма против различных утопических течений, которые были как бы пережитком предшествующего этапа в развитии революционного движения: народничества — в России, анархизма — на международной арене. На этой почве и возникли контакты между плехановской группой «Освобождение труда» и основателями социалистической партии в Италии — Турати и Кулишевой. Эти контакты отвечали идейным запросам итальянского рабочего движения в тот период, когда оно делало последний и важнейший шаг на пути от утопий домарксова периода к марксизму. Но во второй половине 90-х годов против марксизма выступил новый враг — ревизионизм, перед лицом которого во II Интернационале позиции различных течений и отдельных деятелей претерпели определенный сдвиг и оказались в ином, чем прежде, отношении друг к другу.

В Италии поход под флагом ревизии марксизма начал человек, никогда до этого не являвшийся его приверженцем, — бывший анархист Франческо Саверио Мерлино. В своих работах, появившихся на протяжении 1897 — начала 1898 г., он объявил несостоятельными и требующими пересмотра марксову теорию стоимости, материалистическое понимание исторического процесса, марксистское учение о классовой борьбе и диктатуре пролетариата. В унисон с Бернштейном Мерлино утверждал, что социализм — это движение, а не конечная цель пролетариата, и борьбу за социализм сводил к мирным реформам в рамках капиталистического общества. В начале 1899 г. Мерлино основал журнал «Rivista critica del socialismo», в котором с ним сотрудничали Бернштейн и теоретик французского анархо-синдикализма Жорж Сорель, также выступивший как поборник ревизии марксизма.

---

[18] «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. II. М., 1934, стр. 113.

Виднейшим глашатаем итальянского ревизионизма, его духовным главой стал известный уже тогда философ и историк Бенедетто Кроче. В прошлом ученик Антонио Лабриолы, Кроче вначале облек свои ревизионистские выступления в форму критики марксизма «изнутри», его не шаблонного, творческого истолкования. Но по существу Кроче отвергал самые основы марксистской теории, разрывая органическое единство ее составных частей, сводя материалистическое понимание истории к «эмпирическому канону исторического исследования», который может соединяться с любыми философскими взглядами, отрицая существование прибавочной стоимости как реальной экономической категории капиталистического общества и т. д.

Влияние Кроче как идеолога ревизионизма не ограничивалось одной лишь Италией. «Следует напомнить, — писал позднее Грамши, — что в последние годы прошлого столетия работы Кроче по теории истории идеологически вооружили два самых крупных «ревизионистских» движения того времени: одно из них (в Германии) возглавлял Эдуард Бернштейн, другое (во Франции) — Сорель. Сам Бернштейн писал, что он пришел к выводу о необходимости пересмотреть свои философские и экономические воззрения, после того как прочел труды Кроче» [19].

Почти одновременно ревизионистские настроения начали проявляться и внутри Итальянской социалистической партии, к которой ни Мерлино, ни Кроче не принадлежали. На партийном съезде в Болонье в 1897 г. Джероламо Гатти выдвинул в своем докладе по аграрному вопросу ревизионистскую концепцию развития земледелия в капиталистическом обществе, утверждая, что мелкое сельскохозяйственное производство обнаружило не предвиденную Марксом устойчивость и что с помощью кооперации его можно уже в рамках существующей системы общественных отношений направить по пути, который не будет капиталистическим. Точка зрения Гатти не была одобрена съездом, но он продолжал защищать ее в печати, изложив свои взгляды в специальной брошюре под названием «Земледелие и социализм» [20].

Первым выступлениям ревизионистов — в Италии Мерлино, а за ее пределами Сореля — руководство ИСП дало известный отпор. В журнале «Critica sociale» появились подробные полемические рецензии на книги Мерлино «За и против социализма» (Артуро Лабриола) и «Коллективистская утопия и кризис «научного социализма»» (Иваноэ Бономи) [21]. Турати вместе со статьей Сореля «Кризис научного социализма» опубликовал свой ответ ему, где отстаивал мысль о жизненности марксизма как науч-

---

[19] А. Грамши. Избр. произв., т. 2. М., 1957, стр. 221.
[20] G. Gatti. Agricoltura e socialismo. Milano — Palermo, 1900.
[21] «Critica sociale», 1897, № 14; 1898, № 6, 7.

ной теории, которая постоянно развивается и совершенствуется в силу заложенной в ней самой способности к самокритике [22].

По некоторым вопросам «Critica sociale» полемизировала с Мерлино и Сорелем довольно удачно. Так, Артуро Лабриола выступил против ревизионистской тенденции к забвению конечных целей социалистического движения, требуя энергично реагировать на «весьма опасную моду... отказываться от всякого намека на *позитивную* программу социализма, каковой является сам социализм, т. е. коммунистическое общество» [23]. Бономи справедливо указал на псевдомарксистский характер тезиса о неизбежности полного исчезновения средних слоев капиталистического общества, который Мерлино усиленно опровергал, приписывая его Марксу [24]. Турати резонно возразил Сорелю, что марксисты никогда не отрицали возможности улучшить положение рабочего класса в рамках капитализма с помощью реформ: «Именно поэтому мы их добиваемся. Но [мы] отрицали — и продолжаем отрицать — что реформы сами по себе способны *освободить* его» [25].

Однако возможности критики ревизионизма со стороны теоретического журнала ИСП существенно ограничивались тем, что платформа самого журнала не была последовательно марксистской. Бономи в споре с Мерлино называл «подлинными и авторитетными марксистами»... Бернштейна (уже начавшего тогда излагать свои ревизионистские взгляды) и Сореля [26]. А Турати в ответ Сорелю, отвергавшему идею диктатуры пролетариата, заявил:

«Пусть Сорель назовет нам хотя бы одного итальянского социалиста (а Италия вовсе не идет во главе мирового социалистического движения), который бы «предвещал неизбежность диктатуры пролетариата»: мы обещаем ему сделать и продавать в пользу нашей ежедневной газеты фотографию этого человека как являющего собой самый совершенный экземпляр дурака, какой когда-либо пытался найти прибежище под знаменем социализма» [27].

Что касается Плеханова, то в его лице ревизионизм сразу встретил сильного и непримиримого противника. Стремясь активизировать борьбу с ревизионизмом в рядах европейской социал-демократии, Плеханов именно в Италии предпринял один из первых шагов в этом направлении.

Р. М. Плеханова вспоминала, что весной 1898 г. Плеханов, лечившийся в Нерви (близ Генуи), ездил оттуда в Милан «для

---

[22] «Critica sociale», 1898, № 9.
[23] «Critica sociale», 1897, № 14, pp. 213—214.
[24] «Critica sociale», 1898, № 7, p. 104.
[25] «Critica sociale», 1898, № 9, p. 140.
[26] «Critica sociale», 1898, № 6, p. 91.
[27] «Critica sociale», 1898, № 9, p. 140.

ряда собеседований с итальянскими товарищами, по приглашению итальянской социалистической партии»[28]. Приглашение это несомненно исходило от Турати и Кулишевой. Но если Плеханов был в Милане действительно в 1898 г., то не позднее конца января — начала февраля, так как до 11 января и после 12 февраля он находился в Женеве[29].

В это время вопрос о борьбе с ревизионизмом еще не приобрел такой остроты, как несколько месяцев спустя: те статьи Бернштейна, в которых суть его позиции выступила со всей полнотой и очевидностью, — вторая серия «Проблем социализма» — были опубликованы в «Neue Zeit» лишь в мае—июне 1898 г. Однако призывы к «критике» марксизма уже раздавались с разных сторон (в частности, в Италии), и Плеханов в своих беседах с Кулишевой и Турати вряд ли мог пройти мимо этой темы.

Среди бумаг Плеханова сохранился краткий конспект реферата о «Манифесте Коммунистической партии» и «критиках» Маркса. Он мог быть прочитан скорее всего в связи с 50-летием «Манифеста», исполнившимся в феврале 1898 г., когда Плеханов был в Италии. Набросок этого реферата занимает первые восемь страниц маленькой записной книжки Плеханова, в остальной части заполненной выписками из «Дневника» Герцена и заметками о посещении миланского музея Польди-Пеццоли[30]. Нельзя ли из этого заключить, что Плеханов читал его именно в Милане — по просьбе руководителей Итальянской социалистической партии? И не потому ли, что Плеханову пришлось выступать во время поездки, более или менее экспромтом, этот набросок так не похож на конспекты других его выступлений — подробные, тщательно отработанные, почти не требовавшие дальнейшей отделки для опубликования в качестве статей?

Между тем принято считать, что в Милане Плеханов повторил реферат, до этого прочитанный им в Женеве — «О мнимом кризисе школы Маркса», — где высказывались мысли, развернутые потом в его известных статьях против Бернштейна и Конрада Шмидта. Этот реферат (как явствует из выписанных Плехановым дат публикации упомянутых в нем статей) был произнесен в конце мая или первой половине июня 1898 г. Такая датировка вполне подтверждается письмом, которое послал Плеханову 19 июня 1898 г. итальянский социалист Алессандро Скьяви, до этого имевший случай лично встретиться с ним на Лондонском конгрессе II Интернационала. «Я очень жалею, — пишет он, — что не мог присутствовать на докладах о «Кризисе марксизма», которые меня живо интересовали»[31].

---

[28] «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. V. М., 1938, стр. 19.
[29] «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. I. М., 1925, стр. 182, 187.
[30] «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. V, стр. 206.
[31] Там же, стр. 19.

Из письма Скьяви очевидно, что Плеханов выступал на эту тему не один раз, т. е. не только в Женеве. Но можно ли отсюда заключить, что такой реферат читался им в Италии?[32] Скьяви ничего не говорит об этом. Истолкование его письма в этом смысле впервые было обосновано в комментариях к «Литературному наследию» ссылкой на очень позднее живое свидетельство Р. М. Плехановой, впрочем, достаточно осторожное: «Лекция эта *могла быть прочитана скорее всего* в Милане, куда Плеханов поехал из Нерви весной 1898 г.»[33] Но эта поездка Плеханова не могла, как мы уже установили выше, состояться позже конца января — начала февраля 1898 г., и если он тогда читал в Милане реферат — то другой. Предположение же, что по прошествии нескольких месяцев он мог приехать снова специально для выступления, исключается всей политической ситуацией, сложившейся в Италии в связи с майскими событиями 1898 г.

В момент, когда в ряде итальянских городов возникли волнения, достигшие своей высшей точки в вооруженном восстании в Милане 6—10 мая, в Италии находилась В. Засулич; с начала апреля 1898 г. она жила во Флоренции, куда приехала для лечения. Оттуда она послала Плеханову письмо, из которого явствует, что она предполагала на обратном пути повидаться с Кулишевой и писала ей по этому поводу. «Я бы уже уехала, — пишет В. Засулич Плеханову, — да не знаю, как быть с Миланом. Там дело было гораздо серьезнее, толпа была вооружена револьверами. Закрыто много журналов (но «Аванти» не названа в их числе), арестованы редакторы. Жду ответа от Ани...: можно ли с ней видеться?»[34]

Письмо это (не датированное) написано между 6 и 10 мая[35]. В. Засулич явно еще не знала тогда, что Кулишева и Турати арестованы. В Швейцарии ее друзья по группе «Освобождение труда» узнали об этом из газет около 10 мая, и Плеханов сразу же послал Засулич предупреждение об аресте Кулишевой[36].

После майских событий 1898 г. немало итальянских социалистов вынуждено было укрыться в Швейцарии от полицейских преследований. Некоторые из них встречались с Плехановым, бывали у него и сохранили благодарное воспоминание о дружеской поддержке и внимании с его стороны. Назовем среди них,

---

[32] Такого мнения придерживаются подготовители «Литературного наследия» (сб. V, стр. 18) и «Избранных философских произведений» Плеханова (т. II. М., 1956, стр. 760), а вслед за ними и итальянский исследователь Р. Рисалити.— R. Risaliti. Plechanow, Lenin e l'inizio della lotta contro il revisionismo.— «Rivista storica del socialismo», № 24, gennaio — aprile 1965, p. 202.

[33] «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. V, стр. 19. Курсив мой.— *И. Г.*

[34] «Группа „Освобождение труда“», сб. 6. М.— Л., 1928, стр. 204.

[35] А не в апреле, как предположил опубликовавший его Л. Г. Дейч.

[36] «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. II. М., 1925, стр. 22, 27.

в частности, известного историка, популяризатора и переводчика Маркса и Энгельса Этторе Чиккотти и его друга Эммануэле Селла [37]. Сохранилось приглашение на митинг под лозунгом амнистии осужденным за миланское восстание, которое Селла послал Плеханову. «Мы надеемся, — писал он от имени организаторов митинга, — что Вы не преминете принять в нем участие, чтобы Вашим присутствием помочь сделать митинг более внушительным» [38].

Одной из репрессивных мер итальянского правительства против социалистической партии было закрытие ее теоретического органа «Critica sociale». Перерыв в издании журнала продолжался до июля 1899 г., т. е. пришелся как раз на то время, когда в немецкой социал-демократической печати развернулась дискуссия о ревизионизме, в которой активнейшим образом участвовал Плеханов. Это в немалой степени затрудняет выяснение вопроса о том, как отнеслось к выступлениям Плеханова против ревизионизма руководство ИСП.

Но характерно, что и потом, когда издание «Critica sociale» возобновилось, журнал ни разу не высказался по поводу позиции, занятой Плехановым в отношении немецкого ревизионизма. Мы не нашли и каких-либо иных свидетельств, которые бы прямо выражали мнение на этот счет Турати, Кулишевой и их сторонников.

Уже само это молчание красноречиво. Но есть факты, которые дают основу и для более определенных суждений.

Материалы «Critica sociale» показывают, что руководство ИСП избегало высказывать свое мнение в начавшемся по поводу бернштейнианства споре, но все же тяготело не к поддержке Бернштейна, а к позиции Каутского, которого считало главным антиподом Бернштейна и его наиболее авторитетным критиком. Книга Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика» была сразу же переведена на итальянский язык и оценена в «Critica sociale» весьма хвалебно. В рецензии на нее говорилось, что в дискуссии о сущности и тактике социал-демократии «Бернштейн — с одной стороны, Каутский — с другой, представляют как бы два полюса, между которыми развертывается гамма различных оттенков социалистической идеи в теории и на практике» [39]. Отметим в этой связи и еще два обстоятельства: 1) в итальянском переводе, опубликованном в издательстве « Avanti !», работа Каутского называлась: «За социалистическую демократию. Кто мы такие и куда мы идем», т. е. ее заглавие утратило всякую полемическую направленность;

---

[37] См. АДП, Б. 128. 1, Б. 128. 2, Б. 102.1, Б. 102. 2, Б. 102. 3, Б. 102. 4.
[38] АДП, Б. 102. 4, л. 1.
[39] «Critica sociale», 1899, № 17, p. 271.

2) рецензент «Critica sociale» ставил Каутскому в заслугу то, что в его работе «пресловутый *кризис марксизма*... сведен... к его истинным масштабам» [40].

Отсюда достаточно ясно выступает стремление руководства ИСП преуменьшить остроту и глубину разногласий, обнаружившихся в международном социалистическом движении по отношению к ревизионизму. Позиция Плеханова (не раз возмущавшегося тем, что Каутский требовал смягчить тон его статей против Бернштейна и К. Шмидта) оказывается явно *за пределами* той «гаммы», звучание которой не резало слух редакторов «Critica sociale».

Показательно и отношение «Critica sociale» к спорам вокруг казуса Мильерана, которые журнал сам рассматривал как продолжение дискуссии о бернштейнианстве применительно к вопросам практической политики. «Critica sociale» посвятила специальную статью анкете, организованной газетой Жореса «Petite République», которая запросила мнение наиболее видных деятелей международной социал-демократии (в том числе и Плеханова) по поводу допустимости участия социалистов в защите Дрейфуса и вступления Мильерана в правительство Вальдека-Руссо.

Автор статьи, скрывшийся под псевдонимом «Effe Effe», не одобрял самый замысел этого опроса, придавая ему значение «скорее моральное и теоретическое, нежели практическое» [41]. Он полагал, что в первом случае поставленная проблема является надуманной, а во втором имеет место чисто индивидуальный «казус совести»: «единственный, кто компетентен обсуждать его,— это Мильеран со своим исповедником; ни один социалист в мире не может, не совершая нескромности, совать свой нос в это дело» [42]. Но, поставив вопрос в такой плоскости, сам Effe Effe логически оказывался на стороне тех, кто оправдывал поступок Мильерана, а не тех, кто — подобно Плеханову — осудил его.

Такова же была и позиция Турати, который долгое время избегал открыто высказываться по поводу казуса Мильерана и сделал это лишь после Парижского конгресса II Интернационала [43].

Из всего этого можно заключить, что по вопросу об отношении к ревизионизму между Плехановым и лидерами ИСП наметилось — во всяком случае после выступлений Плеханова в немецкой печати — первое серьезное расхождение: идейная непримири-

---

[40] «Critica sociale», 1899, № 17, p. 271.
[41] «Critica sociale», 1899, № 16, p. 248.
[42] Ibid., p. 249.
[43] Подробнее см.: C. Pinzani. Il caso Millerand e il socialismo internazionale.— «Studi storici», 1965, № 4, p. 701; 1966, № 1, p. 91.

мость Плеханова и решительный тон его статей не вызвали одобрения Турати и Кулишевой.

Но начатая Плехановым полемика с ревизионистами вовсе не прошла в Италии вообще незамеченной. Она вызвала в социалистических кругах интерес, и ценным свидетельством тому является уже упоминавшееся письмо А. Скьяви. Отношение Скьяви к выступлениям Плеханова по поводу так называемого «кризиса марксизма» не было только личным: он хотел донести мысли Плеханова до читателей социалистической прессы, запросы которых хорошо знал, так как был редактором журнала «Presente e avvenire» и членом редакции газеты «Avanti!». Сожалея о том, что не смог присутствовать на рефератах Плеханова, Скьяви далее пишет:

«Я все-таки желал бы напечатать что-нибудь из них в ближайшем номере социалистического обозрения «Presente e avvenire», экземпляр которого вы получите, и я просил бы вас, если это вас особенно не затруднит, прислать мне кое-какие извлечения из статьи, которую вы собираетесь напечатать в «Neue Zeit»» [44].

С борьбой против ревизионизма тесно связана и история взаимоотношений Плеханова с выдающимся итальянским теоретиком-марксистом Антонио Лабриолой.

Плеханов и Лабриола могли встретиться в 1893 г. на Цюрихском конгрессе II Интернационала, где оба они присутствовали. Но там знакомство их не состоялось — отчасти, возможно, потому, что Лабриола не выступал на конгрессе и ничем не привлек внимания Плеханова [45].

Летом 1894 г. Лабриола попытался завязать с Плехановым переписку. По-видимому, его побудило к этому ознакомление со статьями Плеханова против анархизма, которые как раз тогда начали печататься в «Sozial-Demokrat» и «Critica sociale» [46]. Узнав адрес Плеханова у Луизы Каутской, Лабриола написал ему из Кастелламаре ди Стабия, где проводил свой отдых, но почему-то

---

[44] «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. V, стр. 19.

[45] Лабриола вместе с Кулишевой придерживался того мнения, что молодой и еще слабой итальянской партии следует воздержаться от самостоятельных выступлений на конгрессе, и вся итальянская делегация согласилась с этим. «Так мы обрекли себя на молчание, и я тоже,— писал Лабриола Ж. Геду,— хотя мне, независимо от того, что я итальянец, столько нужно было бы сказать лично от себя».— «Lettere di Antonio Labriola a L. Mariano e J. Guesde, a V. Adler e W. Ellenbogen, a G. V. Plechanow». A cura di A. Zanardo. Istituto G. G. Feltrinelli.— «Annali», Anno Quinto, 1962, [Milano, 1963] (далее — «Annali», V), p. 434.

[46] Добавим к этому, что Лабриола, несомненно, знал и статьи Плеханова, опубликованные в «Critica sociale» в 1891 г.: он был постоянным и требовательным читателем этого журнала, а рецензия Плеханова на книгу П. Жанэ не могла пройти незамеченной им еще и потому, что как историк Лабриола специально интересовался Французской революцией XVIII в.

не получил ответа [47]. Не исключено, что письмо не дошло до адресата: в бумагах Плеханова его нет.

Однако пути Плеханова и Лабриолы неизбежно должны были встретиться ввиду сходства их теоретических интересов. Оба они в 90-е годы уделяли большое внимание проблемам философии и особенно обоснованию материалистического понимания истории. Лабриола выступил в 1895—1897 гг. с «Очерками материалистического понимания истории». Плеханов опубликовал в 1896 г. в Штуттгарте на немецком языке «Очерки по истории материализма». Эти работы положили начало заочному знакомству и своеобразному теоретическому «диалогу» Плеханова и Лабриолы.

Лабриола, тщательно следивший за всей литературой, выходившей в партийном издательстве германской социал-демократии, прочитал «Очерки» Плеханова, по всей вероятности, сразу же после их публикации. Позднее — в 1899 г.— он писал Плеханову: «Я хорошо знаю Ваши *Beiträge* и т. д. и жду их продолжения с живейшим интересом» [48].

Работа Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» также заинтересовала Лабриолу, хотя он по всей вероятности не знал, что Н. Бельтов, за подписью которого она была опубликована, — это псевдоним Плеханова. 29 августа 1897 г. Лабриола писал К. Каутскому: «Ты ничего не знаешь точно о книге (русской) Бельтова об историческом материализме? Или — где я мог бы узнать о ней? Может быть, у Струве? Я очень мало знаю русский язык — но готов был бы приложить любые усилия, если книга действительно важная» [49].

В свою очередь Плеханов сразу же обратил внимание на «Очерки» Лабриолы, с которыми он познакомился по вышедшему в 1897 г. французскому переводу. Труду итальянского философа он посвятил обширную статью «О материалистическом понимании истории», опубликованную в легальном журнале «Новое слово» за подписью Н. Каменский.

Разбор книги Лабриолы был для Плеханова поводом еще раз выступить в защиту материалистического понимания истории против тех, кто — подобно народникам — в полемике с марксистами извращал его, сводя к так называемому «экономическому материализму». Лабриола становился, таким образом, его союзником в распространении марксистских идей в России. Но Плеханов не во всем соглашался с ним, хотя в целом весьма высоко оценил его работу. Так, он считал необходимым уточнить изложенную Лабриолой концепцию государства применительно к древне-

---

[47] «Annali», V, p. 480, 482.

[48] Ibid., p. 481.

[49] «Antonio Labriola e la revisione del marxismo attraverso l'epistolario con Bernstein e con Kautsky. 1895—1904». A cura di G. Procacci. Istituto G. G. Feltrinelli.— «Annali», Anno Terzo, 1960, [Milano, 1961] (далее — «Annali», III), p. 313.

восточным обществам, отмечая, что здесь возникновение государства было связано не только с потребностью обеспечить господство одного класса над другим, но и с непосредственными нуждами общественно-производственного процесса [50]. В некоторых частных случаях Плеханов усматривал у Лабриолы не вполне последовательное применение принципов материалистического понимания истории, полагая, впрочем, что речь идет скорее о неточности формулировок, чем об изъянах мировоззрения [51].

Лабриола узнал, что рецензия на его книгу в «Новом слове» принадлежит Плеханову, и ознакомился с ней. По его просьбе статью Плеханова перевел для него один живший в Италии студент из Одессы, имени которого Лабриола не называет [52].

Однако взаимопонимание между Лабриолой и Плехановым налаживалось не без трудностей. Первые выступления Плеханова против ревизионизма в германской социал-демократии Лабриола воспринял не только неодобрительно, но и крайне раздраженно. 8 октября 1898 г. он пишет К. Каутскому по поводу статьи Плеханова «Бернштейн и материализм»:

«Меня немало развлекли грубые выпады Плеханова против Бернштейна. То, что этакий вот Плеханов говорит с таким высочайшим презрением о нынешней немецкой философии, — достаточно смешно. Я, по моему разумению довольно старого уже профессора, бьюсь об заклад, что Плеханов не знает ни слова из всей современной немецкой философии. Эта высокомерная манера толковать о науке сделает *научный* социализм смешным в глазах всего мира. Все это происходит потому, что многие считают марксизм какой-то *всеведущей наукой*. Такие люди не понимают, что даже если они хорошие марксисты, они должны — чтобы быть в состоянии говорить об истории, философии и т. д. — просто *изучить* все с самого начала, как и все прочие» [53].

Почти дословно то же самое Лабриола в этот же день пишет самому Бернштейну [54]. Еще раньше — 10 августа — Лабриола под свежим впечатлением от статьи Плеханова делится мыслями о ней с Бенедетто Кроче [55].

Лабриола был явно несправедлив в оценке научной скрупулезности и философской эрудиции Плеханова. Но в его отзыве нужно видеть не только это. Лабриола чувствовал (и притом несомненно острее, чем Плеханов), что марксистская теория во всех своих составных частях требует творческого развития с учетом накопленного к концу XIX в. нового исторического опыта, и не

---

[50] Г. В. Плеханов. Соч., т. VIII. М.— Пг., 1923, стр. 252.
[51] Там же, стр. 256—257, 258, 265, 269.
[52] «Annali», V, p. 480.
[53] «Annali», III, p. 317.
[54] Ibid., p. 318.
[55] Ibid., p. 318, n. 3. Текстом письма Лабриолы Кроче мы не располагали.

без основания опасался, что иначе марксизму может грозить догматическое окостенение, превращение в систему застывших формул.

Но именно поэтому истинный смысл лозунга «критики» марксизма в устах Бернштейна и его единомышленников не сразу был понят Лабриолой, тогда как Плеханов, казавшийся Лабриоле марксистом слишком традиционного склада, понял его раньше. Резкость суждений Лабриолы о статье Плеханова «Бернштейн и материализм» вызвана тем, что осенью 1898 г. они стояли на разных позициях в оценке ревизионизма.

Но уже тогда Лабриола отказался публично выступить в немецкой печати против Плеханова и в защиту Бернштейна, о чем последний, по-видимому, просил его. О причинах, побудивших его к этому, достаточно ясно свидетельствует его письмо к Бернштейну от 12 ноября 1898 г.: Лабриола не надеялся, что кто-нибудь прислушается к его словам, ибо чувствовал, что в кругах германской социал-демократии на Италию смотрят как на крайне отсталую страну и мнению итальянского социалиста не будет придано никакого значения [56].

В скором времени Лабриола изменил свое отношение к деятельности Бернштейна, придя к выводу, что она стала явно несовместимой с принадлежностью к социалистическому движению. Наглядным тому подтверждением послужил для Лабриолы блок Бернштейна с итальянскими ревизионистами, находившимися вне партии. 5 апреля 1899 г. Лабриола пишет Луизе Каутской:

«С Бернштейном я постоянно переписывался. Еще несколько месяцев назад я находил *полезной* его критическую позицию. Я твердо убежден, что социалисты всего мира должны еще как следует *переварить утопизм*. Я твердо убежден, что мир в политическом отношении стал сложнее и потому наши ожидания осуществятся позднее, чем мы думали. Но *я твердо убежден также*, что эти *поправки* следует делать *осмотрительно* и *в меру набожности*, оставаясь внутри партии и в рамках марксизма *как прогрессивной доктрины*. Когда я увидел, что Бернштейн поддержал

---

[56] «Своей открыткой о Плеханове я хотел лишь подать тебе знак,— пишет он.— Я как профессор настолько привык к печатной бумаге, что мне совершенно все равно, когда такой вот Плеханов пишет бесполезную вещь о Канте или о Гегеле. Меня сердит то, что такие люди считают себя *провозвестниками высшей истины* потому, что *говорят* от имени *социализма* (in Namen *des alleinseligmachenden Sozialismus sprechen*), как будто принадлежность к какой-то партии сама по себе равнозначна научной аттестации. Тем не менее я никогда не буду лично полемизировать с такими товарищами. Уже почти два года как я не пишу больше ни строчки ни для одной немецкой газеты. *Я пытался лишь в письмах спорить со многими друзьями, но все это был напрасный труд.* Все добрые немцы крепко убеждены в том, что итальянцы — это люди третьего или в лучшем случае второго сорта».— «Annali», III, p. 319.

этого *авантюриста* Мерлино и принял всерьез глупости моего друга Кроче... я предупредил его, что это мало*прилично*» [57].

Этот сдвиг в позиции Лабриолы открывал путь новому сближению его с Плехановым. Как раз тогда же и Плеханов со своей стороны делает шаг к такому сближению.

В кругах русской социал-демократической эмиграции вызвала большой интерес книга Лабриолы «Беседы о социализме и философии», вышедшая в 1898 г. и вскоре (в начале 1899 г.) переведенная на французский язык. Возникла мысль издать ее по-русски. Из Парижа И. Гольденберг писал Плеханову:

«Мы будем переводить эту книгу и имеем уже издателя. Не пожелаете ли Вы дать для русского перевода предисловие? Если желаете, то мы как-нибудь спишемся по этому поводу с самим издателем. Я попросил бы Вас ответить мне по этому поводу как можно скорее» [58].

Плеханов ответил просьбой прислать ему книгу Лабриолы, что Гольденберг и сделал [59]. Прочитав книгу, Плеханов 7 апреля 1899 г. послал Лабриоле письмо, к сожалению, не известное нам. Лабриола ответил 21 апреля [60]. Так — на этот раз по инициативе Плеханова — между ними началась переписка, которую Лабриола неудачно попытался завязать за пять лет до того.

В письме Плеханова, как явствует из ответа Лабриолы, содержалась очень благожелательная оценка «Бесед о социализме и философии». Чтобы понять, как она повлияла на развитие взаимоотношений между Лабриолой и Плехановым, вернемся в нескольких словах к истории создания и публикации этой книги.

В ней Лабриола собрал свои письма к Ж. Сорелю, написанные в 1897 г., когда Лабриола был дружен с ним. Публикация «Бесед» совпала по времени с началом бернштейнианской «критики» марксизма, которую Лабриола, как мы уже упоминали, на первых порах приветствовал. Лабриола считал, что и в его собственных работах — и в «Беседах» в особенности — присутствует дух «критики», и согласился с Бернштейном, когда тот отметил это [61].

Но в том же письме к Бернштейну Лабриола писал: «Я не знаю, существует ли уже кризис марксизма (как по разным

---

[57] Ibid., p. 322. Лабриола имеет в виду свое письмо Бернштейну от 25 марта 1899 г., где сообщил ему, что журнал Мерлино, которому Бернштейн обещал свое сотрудничество, основан на деньги Доманико, исключенного из социалистической партии за связи с полицией.— Ibid., p. 321.

[58] АДП, В. 287. 7, л. 1.

[59] См. АДП, В. 287. 8, л. 2. Проектировавшееся Гольденбергом русское издание «Бесед» Лабриолы с предисловием Плеханова осуществлено не было.

[60] Это письмо Лабриолы опубликовано на русском языке в журнале «Научные доклады высшей школы. Философские науки», 1962, № 2 (публикация Е. С. Коц и И. Н. Курбатовой), а затем на языке оригинала (французском) — в «Annali», V. Мы будем ссылаться на текст «Annali» из-за некоторых неточностей в опубликованном русском переводе письма.

[61] «Annali», III, p. 319.

причинам думают Масарик, Сорель Андлер и др.), и я не хочу, чтобы меня считали его (т. е. кризиса) представителем. Я хочу лишь, чтобы мои читатели не подумали, будто я имел своей целью популяризацию Маркса. Те очерки, которые появятся позже, покажутся *еще* более критическими»[62]. Речь шла, следовательно, о критике в том смысле, в каком понимал ее Лабриола: не повторение общих мест, а творческое развитие марксистской теории. Сторонику *такой* критики было явно не по пути с теми, кто выступал с утверждениями о «кризисе марксизма».

Когда Лабриола писал это, он уже готовил к печати второе (французское) издание «Бесед», в котором по сравнению с первым появилось два важных дополнения: предисловие, направленное против ревизионистских выступлений Сореля (заметим, что в письме к Бернштейну Лабриола называет Сореля в числе тех «представителей кризиса» марксизма, от которых он отмежевывается), и постскриптум, где Лабриола по тем же причинам полемизировал с Кроче. Дж. Прокаччи, комментируя опубликованную им переписку Лабриолы с Бернштейном и К. и Л. Каутскими, приходит к выводу, что в период подготовки второго издания «Бесед» присущая Лабриоле критическая тенденция усилилась и стала более определенной[63]. Мы бы добавили к этому, что Лабриола именно в то время занял более резкую и категорическую позицию по отношению не только к догматическим истолкованиям марксизма, но и к его ревизионистской «критике».

Именно французское издание «Бесед», где ход мысли Лабриолы по обоим этим направлениям обозначился отчетливее, чем раньше, и прочитал Плеханов.

Для Лабриолы одобрение Плехановым его работы несомненно означало важное доказательство неосновательности его опасений насчет склонности Плеханова рассматривать марксизм как застывшую догму, претендующую на роль «всеведущей науки». С другой стороны, Лабриола весной 1899 г. не мог не оценить того, что Плеханов разглядел в его критической постановке проблем марксистской теории антиревизионистскую тенденцию и поддержал ее. Поясняя замысел «Бесед», Лабриола писал (возможно, в ответ на высказанные Плехановым соображения по этому поводу):

«У меня было лишь скромное намерение написать критически (и без *кризиса*!) о *марксизме*, в особенности для Италии (где социалистическое движение, которое пока еще совсем в младенческом возрасте, со временем, может быть, станет взрослым), а также для Франции, где столько еще путаницы в умах... Кроме поведения самого Бернштейна по отношению к партии, меня ничто не удивляет. Когда я писал (в 1897 г.) письма к Сорелю,

[62] «Annali», III, p. 319.
[63] Ibid., p. 267.

я уже ожидал того, что произошло. Я заранее дал критику на критику» [64].

Есть все основания думать, что проблемы борьбы с ревизионизмом, в то время занимавшие важнейшее место в деятельности Плеханова, стояли на первом плане и в его письме к Лабриоле от 7 апреля 1899 г. Возможно, он спрашивал Лабриолу, не предполагает ли тот специально выступить по этому поводу, в частности против итальянских ревизионистов [65]. Во всяком случае Лабриола в своем ответном письме пишет Плеханову: «Может быть, я напишу брошюру о так называемом *кризисе*» [66]. Далее Лабриола подробно рассказывает о тех неприглядных морально-политических аспектах деятельности ревизионистов в Италии, которые внушают ему брезгливое отношение к серьезному теоретическому спору с ними (беспринципный блок Мерлино с Бернштейном и Сорелем в журнале «Rivista critica del socialismo», двуличие Доманико, который, еще будучи членом социалистической партии, дал средства на создание выступающего против нее органа, разоблачение связей Доманико с полицией, нимало не повлиявшее на судьбу журнала, и т. д.). Тем не менее в конце письма Лабриола в другой связи упоминает, что в полемике вокруг «кризиса марксизма» в Италии он принимает самое активное участие, более того, ему приходится отбивать атаки противников почти в одиночку и в очень трудных условиях: «Сейчас... на мои плечи лег *кризис* марксизма, и именно на мои, потому что в представлении итальянских журналистов марксизм — это четыре или пять человек, не более. И защищаться нелегко, и нельзя (поскольку нет традиции и силы, какие бывают у крепкой партии) говорить открыто такие вещи, которые задевают два великих буржуазных института: лицемерие и уголовный кодекс» [67].

Поскольку Лабриола теперь активно включился в борьбу с ревизионизмом в Италии и за ее пределами, с его стороны было естественным искать у Плеханова поддержки в этом деле. Он был серьезно озабочен, в частности, тем, что ревизионистская пропаганда Сореля не получает должного противодействия во Франции, и в связи с этим просил Плеханова выступить с рецензией на

---

[64] «Annali», V, p. 480.

[65] Помимо того, что Плеханову был известен постскриптум к французскому изданию «Бесед», где Лабриола подверг критике ревизионистские взгляды Кроче, он как раз незадолго до обмена письмами с Лабриолой узнал от П. Лафарга о роли Мерлино как рупора бернштейнианских идей в Италии: «Мне говорили,— писал Лафарг Плеханову 14 февраля 1899 г.,— что скоро выйдет французский перевод брошюры Бернштейна и что анархист Мерлино уже получил часть рукописи и переводит ее для своего журнала».— «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. V, стр. 286.

[66] «Annali», V, p. 480.

[67] Ibid., p. 482.

«Беседы о социализме и философии» в каком-нибудь французском журнале, например, «Mouvement socialiste» [68].

С помощью Плеханова Лабриола надеялся сломить и то равнодушие и непонимание, с каким отнеслись к его работам вожди германской социал-демократии — влиятельнейшей партии II Интернационала. Его чем дальше, тем больше задевало то, что немецкая социал-демократическая печать не обмолвилась ни единым словом о его книгах, которые уже стали предметом обсуждения даже в русской легальной прессе.

«Я хотел бы,— писал Лабриола Плеханову,— чтобы Вы, если представится случай, передали часть Вашего благожелательного отношения [ко мне] нашим немецким *товарищам*. Все [они] как будто меня очень любят, но в то же время они, по-видимому, в отношении меня никогда не отдавали себе отчета в следующих четырех важных обстоятельствах: 1) что ни один немецкий профессор не был моим предшественником и не последовал моему примеру; 2) что я весьма посредственно пишу о *марксизме* в стране, где нет ни малейшей традиции социализма; 3) что им должно было быть интересно видеть, как их же строй идей отражается в другом мозгу, сохраняющем [однако] свою индивидуальность, потому что таковою он обладал прежде, чем воспринял социализм; 4) что я существую не для того, чтобы просто повторять написанное ими, и что, с другой стороны, не следует смешивать мою особу *ut sic* с Итальянской социалистической партией, *в которой я не делаю карьеры,* интересуясь в то же время социалистическим движением всех стран» [69].

Вскоре после этого письма Плеханов получил от Лабриолы в подарок экземпляр французского издания «Бесед о социализме и философии». Лабриола подарил ему также оттиск своей статьи «По поводу кризиса марксизма», опубликованной в мае 1899 г. в журнале «Rivista italiana di sociologia» в осуществление того замысла, которым он делился с Плехановым в письме.

Осенью 1899 г. Лабриола, как и Плеханов, принял участие в упоминавшейся выше анкете Жореса по поводу дела Дрейфуса и казуса Мильерана, причем их мнения по обоим поставленным вопросам совпали. Случайно или нет — но в статье об этой анкете «Critica sociale», перечисляя социалистов, осудивших поведение Мильерана, называет имена Плеханова и Лабриолы рядом[70].

Из последующей их переписки известно пока лишь краткое

---

[68] «Annali», V, p. 480. Такой рецензии Плеханова в «Mouvement socialiste» за 1899 г. нет. Возможно, что просьбу Лабриолы Плеханов не смог выполнить из-за неодобрительного отношения редакции «Mouvement socialiste» к его полемике с Бернштейном, к которой он, конечно, вернулся бы при разборе «Бесед».

[69] Ibid., p. 481—482.

[70] «Critica sociale», 1899, № 16, p. 249.

письмо Лабриолы от 15 апреля 1900 г., которое расценивается опубликовавшими его советскими исследователями как свидетельство установившихся между Лабриолой и Плехановым тесных идейных связей [71]. Лабриола пишет Плеханову:

«Дорогой товарищ, читали ли Вы статью Виктора Дава «Michel Bakunin et Karl Marx» в «Humanité Nouvelle» (март 1900 г.)? Известно ли Вам автолитографированное сочинение д-ра Макса Неттлау («Michael Bakunin, eine Biographie»)? Что представляет собой этот господин Неттлау? Где он живет? С самым дружеским приветом Ваш Антонио Лабриола» [72].

Речь идет о фундаментальном труде, которым биограф Бакунина М. Неттлау заложил основу анархистской историографии социалистического движения XIX в. Лабриола заинтересовался им, прочитав рецензию В. Дава, вполне согласного с Неттлау в отношении к Бакунину и трактовке борьбы между марксизмом и бакунизмом. То, что за дополнительными разъяснениями на этот счет Лабриола обратился к Плеханову, позволяет сделать вывод о несомненной авторитетности для него мнения автора «Анархизма и социализма» по поводу новейшей литературы в данной области.

В 1900 г. вышло в свет новое русское издание «Манифеста Коммунистической партии» с большим предисловием Плеханова, посвященным обоснованию марксистских взглядов на классовую борьбу в их историческом развитии. Естественно, что при этом Плеханов не прошел мимо такого значительного явления в литературе о «Манифесте» и в марксистской теоретической литературе вообще, как очерк Лабриолы «В память Манифеста Коммунистической партии», который он называет «прекрасным опытом» [73].

С этой работой Лабриолы Плеханов познакомился во всяком случае не позднее 1897 г., так как она входила во французское издание «Очерков» Лабриолы, которое Плеханов в свое время рецензировал в «Новом слове». Возможно, он прочитал ее и раньше — у него был собственный экземпляр очерка Лабриолы о «Манифесте» в отдельном итальянском издании 1895 г., полученный от Турати (со штампом «Critica sociale»). Но мы не знаем, когда именно Турати послал Плеханову эту книгу — сразу же после ее опубликования или позднее; ясно лишь, что это было до заочного знакомства Плеханова с самим Лабриолой, иначе экземпляр был бы авторский.

[71] См. Е. С. Коц, И. Н. Курбатова. Письмо Антонио Лабриолы к Г. В. Плеханову.— «Научные доклады...», стр. 107—108.

[72] «Annali», V, p. 483.

[73] Г. В. Плеханов. Соч., т. XI. М.— Пг., 1923, стр. 278. Плеханов тут же оговаривает, однако, свое несогласие с утверждением Лабриолы о том, что историческое значение классовой борьбы было с наибольшей ясностью осознано в период между 1830 и 1850 гг., отмечая, что понимание роли классовой борьбы как важнейшего двигателя исторического развития было присуще уже Сен-Симону и французским историкам периода реставрации.

В предисловии 1900 г. к «Манифесту» Плеханов, продолжая полемику с идеологами ревизионизма, впервые направляет ее также и по итальянскому адресу — против Бенедетто Кроче. Речь идет о статье Кроче «Опыт истолкования и критики некоторых концепций марксизма», известной Плеханову в переводе на французский язык, опубликованном в журнале «Devenir social» за февраль — март 1898 г.

Оспаривая ряд тезисов, выдвинутых Кроче, Плеханов в этой первой полемической схватке с ним придерживался, однако, сравнительно мягкого тона. Разбор идей Кроче о классах и классовой борьбе он заканчивает таким отзывом: «Г. Кроче — умный и способный человек. Но в его мышлении недостает диалектического элемента, и этим недостатком обусловливаются почти все его «критические» потуги и неудачи» [74].

Гораздо резче Плеханов высказался по адресу Кроче два года спустя — в рецензии на русский перевод его книги «Исторический материализм и марксистская экономия. Критические очерки» [75]. Рецензия была напечатана в журнале «Заря» (1902 г., № 4), в редакцию которого Плеханов входил тогда вместе с В. И. Лениным.

Аргументация Плеханова направлена прежде всего против притязаний Кроче на роль критически мыслящего марксиста в противовес неоригинальным, «вульгарным» последователям Маркса. Плеханов доказывал, что Кроче в своих рассуждениях вступает в явное противоречие с фактами и «исправляет» Маркса, совершенно не понятого им, с помощью доводов, всецело заимствованных у буржуазных экономистов. «Чтобы критиковать Маркса, как и всякого другого мыслителя, надо его понять, — писал он. — Ось де заковыка, — как заставляет говорить Гамлета один малороссийский переводчик знаменитой английской драмы. И эта неприятная «заковыка» напоминает о себе чуть не на каждой странице «критических» очерков г. Кроче» [76].

Сосредоточив внимание в основном на разборе крочеанской интерпретации экономического учения Маркса, Плеханов подчеркнул ее связь со всей системой идей Кроче, который выступил с ревизионистской критикой и философии марксизма, и марксистской этики, и материалистического понимания истории. По этому поводу Плеханов вновь высказал публично свое отношение к идеям Антонио Лабриолы, которого Кроче похвалил за якобы допущенные им в «Очерках материалистического понимания истории» отступления от марксизма в таких вопросах, как роль в общественном развитии идеологических факторов, воздействия природы, деятельности отдельных личностей и т. д. Усматривать в призна-

[74] Г. В. Плеханов. Соч., т. XI, стр. 305.

[75] Замечания Плеханова по поводу качества перевода этой книги, сопровождаемые отсылками к итальянскому тексту, свидетельствуют о том, что он читал ее и в подлиннике. Но заглавие ее русского издания Плеханов сам воспроизвел очень неточно.— «Экономический материализм и марксистская философия. Критические очерки».

[76] Г. В. Плеханов. Соч., т. XI, стр. 341.

нии известной значимости всех этих явлений в историческом процессе какие-то «уступки» иному, немарксистскому его истолкованию, значило, по словам Плеханова, «уподобляться человеку, слона-то и не заметившему» [77].

Но участие Плеханова в борьбе против итальянского ревизионизма не ограничилось только критикой той «энциклопедической» формы ревизии марксистской теории, какой явилось крочеанство. Плеханов реагировал и на более скромные проявления ревизионистских тенденций, имевшие место в социалистической пропагандистской литературе. В частности, он опубликовал в «Заре» обстоятельную рецензию на брошюру Дж. Гатти «Земледелие и социализм», которую прочитал во французском переводе, изданном в 1902 г. с предисловием Сореля.

Плеханов показал, что это весьма поверхностное произведение, что Гатти, выступая в роли критика Маркса в вопросе о движении земельной собственности, не вник как следует ни в то, что действительно говорил Маркс по этому поводу, ни в статистические данные, с помощью которых он пытался Маркса опровергать. На основе вдумчивого анализа цифр, приведенных Гатти, а также и статистического материала, не использованного им, Плеханов пришел к совершенно иным выводам, чем Гатти, а именно: за последние десятилетия XIX в. во Франции и Бельгии (странах, примером которых оперировал Гатти) в той или иной степени имел место рост удельного веса лишь мельчайшей, «пролетарской», а не крестьянской земельной собственности, тогда как крестьянское землевладение отступало под натиском крупных экономий и интенсивной капиталистической культуры.

Крестьянскую кооперацию, которой Гатти приписывал способность к некапиталистическому развитию в рамках капитализма, Плеханов рассматривал, наоборот, как одну из форм проникновения капитализма в деревню. «Кооперативизм,— писал он,— не устраняет капитализма из деревни, а ускорит ход развития капиталистических производственных отношений в сельском хозяйстве» [78].

К началу XX в. Плеханов как деятель российской и международной социал-демократии находится в зените своей славы. Позади два десятилетия его плодотворной теоретической и пропагандистской работы, заложившей основу развития марксистской мысли в России и оставившей немалый след в истории рабочего движения и других стран. Впереди — важнейшие рубежи в развитии освободительной борьбы российского пролетариата: II съезд РСДРП и революция 1905—1907 гг. То, как пройдет через эти рубежи Плеханов, в решающей мере повлияет на его последующую деятельность, хотя на международной арене его роль не всегда и не прямо будет определяться тем, какое место он займет отныне в рядах русского революционного движения.

---

[77] Там же, стр. 342.
[78] Там же, стр. 391.

86

Отт.
3123
(Инв. кн. №)

86 — 3123